Текст · 22 февраля 2023, 09:37
Петр Рузавин,

«Лепестки» под снегом. Чем живет Изюм через полгода после освобождения

Спустя полгода после отступления российской армии в Изюме постепенно налаживается быт, есть электричество и вода, но горожане все еще страдают от холода: разбитые котельные не работают и местные греются буржуйками. Город больше не обстреливают, но риск подорваться все еще велик: повсюду до сих пор остались мины, растяжки или неразорвавшиеся снаряды. Петр Рузавин снова отправился в Изюм и поговорил там с местными жителями, спасателями, которые занимаются разминированием, и силовиками, которые составляли списки местных коллаборационистов.

«Мы поставили буржуйку сразу. Иначе бы мы пропали»

Уже пять месяцев Изюм освобожден от российской оккупации. Город расположен в 120 километрах на юго-восток от Харькова, это почти граница с Донецкой областью, до Славянска от Изюма ехать меньше часа.

В отличие от Херсона, который подвергается обстрелам практически каждый день, жизнь в Изюме относительно спокойна: линия фронта не очень близко и, несмотря на сообщения о наступлении российской армии в регионе, снаряды сюда не

долетают. Главную опасность здесь представляют неразорвавшиеся снаряды, оставленные российскими военными растяжки и «Лепестки» — небольшие противопехотные мины, которые разбрасывают при помощи кассетных снарядов.

До российского вторжения в Изюме жили около 50 тысяч человек. Сейчас вместе с теми, кто вернулся, здесь живет едва ли половина от этого количества. Осенью, когда город освободили, в Изюме не было ни света, ни воды, но после полугода оккупации местные жители высыпали на улицы.

Сейчас улицы Изюма куда более безлюдны. Дороги занесены снегом, но зато работают электричество и связь, в домах в целом есть вода. Но почти не работают котельные, разбитые после обстрелов, поэтому практически все местные жители поставили в квартирах печки-буржуйки.

Виктор Наконечный у печки-буржуйки в квартире, Изюм. Фото: Петр Рузавин / Медиазона

Местная жизнь течет во дворах вокруг центральной улицы, на которой нет ни одного целого здания. На скамейках сидят жители пострадавших домов, преимущественно пенсионеры.

Вот Виктор Наконечный, раньше работал токарем, сейчас на пенсии. Его жена Любовь 40 лет проработала на почте. Оба выглядят бойкими

и жизнерадостными, постоянно курят сигареты и смеются. Они показывают свою пятиэтажку, испещренную осколками. Полтора месяца весной Изюм осаждала российская армия, большинство разрушений осталось с того времени. Виктор показывает, как осколки пробили квартиру и внутри: «Холодильника нет, телевизора тоже, насквозь прошило».

Стекол в большинстве квартир тоже нет. «Обстрелы шли с утра до вечера и ночью, — вспоминает Виктор. — А у нас еще подвала нет, только в соседнем здании. Но нас туда не пускали соседи, только днем. А ночью, говорят, мест нет». Так Виктор с Любовью, а также их детьми и внуками и прожили все время осады, но обиды на соседей не держат. Главное, говорят, что все целы.

Они вспоминают, что однажды российские военные чуть не расстреляли их сыновей: те шли по улице, а военным «не понравилось, как они на них посмотрели». Любовь добавляет, что муж оказался рядом и смог уговорить солдат отпустить детей.

«Украина зашла — мы поставили буржуйку сразу из газового баллона. Иначе бы мы пропали. У многих такие», — говорит Виктор. Термометр на кухне показывает 27 градусов. Спрашиваю, где они берут дрова для отопления. Отвечают, что по городу полно срезанных снарядами деревьев, их и распиливают на дрова.

Виктор и Любовь говорят, что свет, воду и связь вернули почти сразу после того, как украинская армия отбила город, а вот котельные в Изюме до сих

пор не работают. Зимой их не починишь, поэтому люди ждут, когда потеплеет.

— А много возвращается жителей? Есть работа?

— Работы особо нет, спасибо волонтерам, что мы живем, у бабы пенсия. На той стороне [реки Северский Донец], там получше чуть, есть магазины, есть какие-то кафе, а тут [в центральной части города] ничего не работает. Та часть рашистами была захвачена в первую очередь, там она осталась целая. А нас полтора месяца долбили с той стороны.

— А нового наступления боится народ? Что говорят между собой?

— Вот этого все боятся, лишь бы оно не пришло назад. Но я не верю, что назад вернутся.

Осенью главным местом Изюма была Центральная площадь, туда приезжал Владимир Зеленский после освобождения, при нем снова поднимали украинский флаг. В первые недели на площадь стекались все местные жители, обсуждали, как кто пережил полгода оккупации, говорили с журналистами, туда в основном привозили и гуманитарную помощь.

Сейчас площадь пуста. Любовь говорит, что волонтеры больше не привозят продукты туда, а развозят по дворам. На прощание она замечает: «Кажется, я вас видела на Центральной площади в первые дни после освобождения. По голосу — знакомый, слышу». И также просит записать, что их 13-летний внук, которого перевезли в другой регион уже после деоккупации, мечтает пожать руку

Зеленскому. И постоянно продолжает благодарить то волонтеров за гуманитарную помощь, то ВСУ за освобождение.

«Человек наступил на "Лепесток" — и все»

На всех освобожденных территориях одна из главных проблем — взрывоопасные предметы. По всей стране, не только на деоккупированных территориях, висят плакаты с призывами быть бдительными и осторожными, а в случае обнаружения подозрительных предметов обращаться в полицию или к спасателям.

Пожарные машины в здании Изюмского районного управления ДСНС. Фото: Петр Рузавин / Медиазона

Главный работник Изюмского районного управления ДСНС[1] Владимир Дуванский говорит, что местные жители регулярно подрываются. Россияне, по его словам, разбрасывали «Лепестки» даже на кладбищах. «По селам много такого, — замечает он. — ["Лепестки"] и сейчас там находятся, снег выпал. Квартиры тоже заминированы, частные дома. На предприятиях много заминированного находим».

Владимир описывает, как устроена их работа: «Человек нам пишет: "У меня в огороде базировались орки. Я хочу, чтобы вы проверили, потому что я боюсь

туда возвращаться, я боюсь туда заходить". После этого по такой заявке приезжают пиротехники и проверяют».

— Сам я из-под Изюма, из села Каменка, — говорит он. — Вернулся в город после освобождения в сентябре. Поначалу у спасателей основная работа была развозить воду людям, пока ее не вернули. Если сравнивать с количеством людей до войны, то людей мало. Если сравнивать с тем, когда только освободили, то уже много. Вернулся свет, вода, частично тепло. Правда, объекты инфраструктуры тоже заминированы. Вон, в Балаклее[2] недавно подорвался электрик. Линии электропередач тоже надо разминировать, их могли и специально минировать, да и просто боевые действия же происходили, осталось много неразорвавшихся снарядов.

— А сколько на разминирование полностью уйдет?

— Ну, как говорят, один год войны — пять-десять лет разминирования. Если у нас после Второй мировой уже прошло больше 75 лет, а до этой войны у нас было приблизительно 50 заявок за год, то представьте, какой сейчас объем загрязнения. Так что сколько лет это все займет, неясно. Если взять села на линии фронта, то туда пиротехники еще нормально не зашли. Там найдется много чего. Я вам как уроженец Каменки могу сказать, там домов целых нет, но человек сто написали нам заявки на разминирование, мол, хочу вернуться, проверьте мой дом. Ну, понятно, у людей других-то домов нет. У нас в Каменке люди возвращаются, волонтеры помогают как-то крышу

закрыть хотя бы, брезент натянуть. Ну, вот и был случай, человек так наступил на «Лепесток» — и все.

Пока Владимир рассказывает о своей работе, со смены возвращается группа пиротехников. Ее начальник — Виталий из Межрегионального центра разминирования — говорит, что опаснее всего сейчас разбросанные по всему Изюмскому району противопехотные мины.

— Это главная опасность под ногами каждого, — объясняет он. — Вот снег выпал, теперь не видно, человек подметал — увидел «Лепесток». А не подмел бы, кто-то бы наступил. Это в первую очередь сейчас опасно и для населения, и для нас.

— А много пиротехников пострадало?

— К сожалению, да. Общее количество — 12 человек погибли, это ДСНС, а моих — трое. Работали, случился взрыв, и погибли трое моих коллег. Что там было, неизвестно, сейчас уже невозможно доказать, все превратилось в огромную яму.

— А часто сейчас люди получают ранения?

— Да вот буквально неделю назад подросток нашел «Лепесток» и швырнул его — получил ранения. Такие случаи через два-три-пять дней происходят. И это везде — Изюм, Балаклея. Вот позавчера электрик наступил, пальцы поотрывало.

Виталий говорит, что российские военные, помимо «Лепестков», оставили много растяжек, в основном в лесу. До зимы многие на них подрывались, сейчас, со

снегом, люди меньше ходят туда. Но как только он растает, говорит, «снова побегут».

Склад найденных снарядов «Ураган» в Изюме. Фото: Петр Рузавин / Медиазона

У здания ДСНС за небольшим ограждением — склад найденных повсюду снарядов «Ураган», которыми и разбрасывались «Лепестки». Местные силовики говорят, что жители находят их по всему району и тащат на металлолом, где их покупают по 400 гривен за снаряд. Внутри зачастую еще остаются сами мины, которые детонируют, и люди получают ранения.

Разрушенный дом в Изюме. Фото: Петр Рузавин / Медиазона

Жители Изюма снова и снова вспоминают время оккупации. Боец местной территориальной обороны-[3] рассказывает, что в городе в какой-то момент люди страдали от голода, потому что российские военные не завозили продукты. Сам он тогда был в другом регионе, дистанционно занимался выявлением мест дислокации военных, но в городе продолжали жить его родственники.

Спрашиваю, все ли с ними в порядке, целы ли родные — отвечает, что да. Тут в разговор

включается стоявший рядом сотрудник местных силовых структур: «А мою квартиру сдали соседи, маму взяли в плен и изнасиловали».

«Люди сами приходят, начинают рассказывать: тот занимался этим, а этот — тем»

Еще в первые недели после освобождения несколько жителей Изюма при встрече рассказывали «Медиазоне», что российские военные во время оккупации изнасиловали мать местного сотрудника украинских силовых структур, чей дом вычислили по наводке соседей.

Дмитрий[4] рассказывает, что он родился и вырос в Изюме. После начала вторжения его подразделение перевели в Харьков, где он воевал первые месяцы. За те полгода, что Изюм был под оккупацией, связи с оставшимися там родственниками у Дмитрия не было. По его словам, пытками и задержаниями занимались специальные группы силовиков: «Были сотрудники ФСБ, были росгвардейцы».

Соседи, по его словам, указали им, что в этом доме жил сотрудник украинских силовых структур. В дом приходили с обысками, как он говорит, 15 раз, забирали имущество, а один раз в плен забрали и мать.

— И что соседи? Вы с ними не общались?

— Общались. Живут там дальше.

— И те, которые доносили?

— Ну, мы же можем поступать только в рамках законодательства.

— Ну, я не знаю, прощения не просили?

— Да никто ничего не просил. Рассказывали: «Мы не мы». Доказательная база-то какая? Со слов соседей? Доказательная база как минимум слабенькая, как максимум — ее нет. Не знаю, пусть это остается у людей на совести, пусть посмотрят, что с городом в принципе, даже и с областью, со всей страной, если им нравится. Я считаю, если ты хочешь «русский мир», больше любишь Вову Путина, бери чемодан — езжай в Россию.

Дмитрий говорит, что мать через какое-то время выпустили из плена. Она смогла выехать из оккупированного Изюма на территорию России, потом в страны Балтии, а дальше вернулась через Европу обратно в Украину и Изюм. По словам Дмитрия, сейчас мама, насколько это вообще возможно, пришла в норму и вышла на работу.

— А вычислить тех, кто это сделал, возможно?

— Есть всегда возможность найти. Тем более в двадцать первом веке, интернет. Там же будут создаваться организации типа «Моссада». Я думаю, специалисты свое дело знают.

Он добавляет, что уверен: «это все закончится рано или поздно однозначной победой Украины» и в итоге

«каждый понесет свою ответственность за те или иные поступки».

После начала вторжения, в марте 2022 года, в украинский Криминальный кодекс добавили новую статью III-I (коллаборационизм). По ней судят, например, тех, кто сдает российской армии позиции ВСУ или занял должность в оккупационных структурах.

Дмитрий говорит, что около 85 процентов из тех, кто в Изюме работал в различных оккупационных органах власти, бежали вместе с российскими военными. Он уточняет, что имеет в виду именно тех, кто получал зарплату и подпадает под статью о коллаборационизме. По словам Дмитрия, в городе остались те, у кого, например, нетранспортабельные родственники. Эти люди сейчас под следствием.

— А что вообще происходит с точки зрения работы следствия с коллаборантами, когда в город возвращается украинский флаг? Как составляются списки?

— Да люди сами приходят, начинают рассказывать: тот занимался этим, а тот — тем. А он, видите, был сотрудником «народной милиции». До меня приходил, обыск проводил, деньги у меня забирал и так далее и тому подобное. Основная масса людей ждала деоккупацию. Они забирали у людей имущество, машины, деньги, задерживали много. Родственников забирали с целью получения выкупа.

— А сколько требовали?

— По-разному. Я слышал цифры и 20, и 40 тысяч долларов. Люди собирали по родственникам. Я слышал, непосредственно ходили решать эти вопросы к Глебу Ткаченко, это был «зам народного мэра» Соколова[5]. Он с эфэсбэшниками в теплых отношениях был. Он с этим вопросом к ним шел, они называли цену, он приходил и говорил, сколько нужно. Он выехал в Россию тоже.

Осенью, сразу после освобождения, в Изюме и Балаклее все время фоном была слышна автоматная стрельба, а по окрестным домам ходили группы силовиков — искали оставшихся российских военных. Спрашиваю, находят ли их сейчас.

— Я был свидетелем лично, когда стоял, общался с одной из бригад на блокпосту, — вспоминает Дмитрий. — Это в районе рядом с лесом. Человек в гражданском идет к блокпосту. Документов нет, ничего нет, говорит, я местный. Ну, военные-то не знают города. Я тогда говорю: "Подожди, если ты местный, у меня вопрос, я тебе задам: улица Тургенева — это какой район?". Ничего не может сказать. Ну, приехали, рассказывай тогда, кто ты, что ты. Говорит, я, там, из Ставрополя, какой-то Ваня из Ставрополя. Ну, Ваня из Ставрополя, поехали. Они сами в основном уже выходили, сдавались, потому что лес, их там много было, а что в лесу? Ни еды, ни воды.

— А сейчас уже не находят таких?

— Я не готов ответить на этот вопрос. Может быть, я допускаю. У нас народ миролюбивый, гостеприимный. Есть истории, как в Киевской области: дедушка приютил российского солдата,

говорит, нормальный парень. Я не исключаю, что здесь такое же есть. Но все равно активно ищем.

Он вспоминает, что после освобождения Изюма оказался на армейских складах. «Я не знаю, насколько были замучены местные жители, они с таким зверским инстинктом тянули еду с этих складов, они настолько были голодные, — рассказывает Дмитрий. — Вот эти вот кофты, холодно людям было, фонарики, какие-то аккумуляторы».

Дмитрий сразу заметил, что лица у людей в городе резко постарели за это время: «Вот я тут сколько прожил, прослужил... люди постарели очень. Допустим, те люди, которых я много лет знаю. Эти люди, которые за год войны постарели лицом на 10–15 лет. Это, конечно, такое впечатление».

Местные жители и власти Изюма говорят, что большая часть населения вернется в город с весной, когда пройдут холода и станет теплее. Но главные опасности весна не изменит: попытки нового наступления российской армии и последствия оккупации — мины и растяжки.

Редактор: Егор Сковорода

---

1. Державна служба з надзвичайних ситуацій (Государственная служба Украины по чрезвычайным ситуациям).

2. Город в 50 км от Изюма, который тоже был под оккупацией до сентября.

3. Попросил не указывать его имени и представился позывным Правосек.

4. Попросил не указывать его настоящего имени и не называть конкретную структуру, где он служит.

5. Бывший сотрудник правоохранительных органов Днепра Владислав Соколов.